

СУДАКОВ Г. В.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ И ДИАЛЕКТНЫЕ
ОБЪЕДИНЕНИЯ ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ

Использование данных лексики для решения проблемы диалектного членения русского языка донационального периода уже имеет известную традицию. Особенно заметны успехи советских исследователей в описании лексического состава старорусских памятников, связанных с отдельными территориями и некоторыми культурно-письменными центрами, например, с бассейном Северной Двины (Б. А. Ларин, Н. С. Бондарчук, В. Я. Дерягин), с Великим Новгородом и Псковом (В. В. Ильенко, В. И. Максимов, О. С. Мжельская, В. П. Строгова), с югом России (С. И. Котков, В. И. Хитрова), с Рязанью и Смоленском (Е. Н. Борисова) и др. Однако наблюдения над словарем старорусского языка в географической проекции еще не носят систематического характера, не скоординированы и потому не дают общей картины территориального распределения лексики. Добавим, что практически не было и попыток воссоздать полную картину диалектного состояния России XVI—XVII вв. Диалектное членение средневековой Руси реконструируется для периода не позднее XIV—XV вв., т. е. эпохи формирования языка великорусской народности, причем главным образом на основе фонетико-морфологических данных современных говоров [1—3]. Выявление общерусского и ограничение местного — важнейшая задача исторической лексикологии русского языка XV—XVII вв., от решения которой зависит определение словарного вклада говоров отдельных территорий в сокровищницу общерусского национального языка, воссоздание широкой ретроспективы территориальной дифференциации лексики, установление времени формирования отдельных тематических и лексико-семантических групп и т. д. [4]. Достижение указанных целей возможно на путях объективного, с учетом всего жанрово-стилевого и территориального разнообразия текстов, исследования языковой ситуации в преднациональной России, массового обследования источников разной локализации и анализа их данных в сравнении с выводами современной диалектной лексикологии и лексикографии.

Несколько слов о распространенном термине «языковая ситуация» применительно к древнерусскому и старорусскому периодам. Обычно под языковой ситуацией понимают состояние литературного языка в ту или иную эпоху, состав его разновидностей, взаимоотношение между литературным языком и общенародной речью. Подобное понимание языковой ситуации упрощает суть дела. Развернутая картина состояния и развития языка народа в определенную эпоху складывается как минимум из оценки трех типов ситуаций, создающих в комплексе представление о лингвистической ситуации эпохи: 1) литературно-языковая ситуация (стилевая): состав литературного языка, его разновидности, лексико-фразеологические и грамматические средства отдельных типов языка, состояние литературной нормы, отношение к средствам «нелитературного» характера и г. д. (см. работы С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Н. А. Мещерского, А. И. Горшкова, Б. А. Успенского и др.); 2) социально-языковая ситуация (социолингвистическая): речь различных социальных групп, соотношение в ней литературного, просторечного и диалектного, степень владения литературным языком в разных социальных средах и т. п. (см. работы В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, посвященные теории вопроса, но конкретных разработок этой проблематики фактически еще нет); 3) лингвогеографическая ситуация: диалектное членение язы-

ка данной эпохи, соотношение общерусского и местного на разных языковых уровнях, соотношение диалектных средств и литературных элементов в языке, столицы и местных центров письменности и т. п. (см. работы А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Р. И. Аванесова, С. И. Коткова, Ф. П. Филина и др.). Каждый из этих типов языковой ситуации применительно к любому историческому периоду требует отдельного обсуждения. В данном случае речь пойдет в основном о лингвогеографической ситуации в России XVI—XVII вв.

Историческая лингвогеография имеет недавнюю традицию, вопросы методики в этой области, в частности, на русском материале обсуждались мало. Основными здесь являются выбор источников, техника сбора материала, графическое оформление результатов и интерпретация, все они имеют некоторую специфику в отличие от методики работы на современном материале.

Прежде всего важно правильно определить состав анализируемой лексики. Выбор для анализа тех или иных лексико-тематических групп определяется целями исследования, при этом учитывается степень древности слов, устойчивость их в языке и другие признаки. Не случайно, например, для выяснения наиболее древней картины диалектов на определенной территории в первую очередь обращаются к географической терминологии, лексике земледелия и т. п. Учитывая неодинаковые темпы изменчивости разных групп лексики, целесообразно при изучении лингвогеографической ситуации конкретного периода обратиться к анализу не устойчиво консервативных систем географической, земледельческой или административной терминологии, а к изучению предметно-бытовой лексики сфер «одежда», «утварь», «пища», «постройки», обладающей достаточной динамикой, чутко реагирующей на изменения «вещного» мира. Обозначая жизненно важные реалии, по-разному эволюционирующие на разных территориях, эти слова меняют свой семантический объем и парадигматические связи, что обуславливает их территориальную дифференциацию, особенно развитую в кругу конкретных названий. Немало и чисто этнографической лексики, называющей реалии локального распространения.

Далее необходимо подобрать тексты, разные в жанрово-стилевом отношении, так как характер функционирования в них лексем в зависимости от этого не был одинаковым, причем все тексты должны иметь строго фиксированную территориальную прикрепленность. Неравномерное распределение сохранившихся письменных источников по территории России не снимает необходимости привлечения к анализу максимально возможного их числа. Значительное число русских текстов XVI—XVII вв. позволяет начинать лингвогеографические исследования с этого периода. Большинство памятников местной письменности связано не с малыми населенными пунктами, а с административно-территориальными центрами, т. е. уездными городами, по этой причине более мелкая сетка в историко-лексикологических исследованиях не всегда возможна. Дальнейшее увеличение числа источников и исследованных лексических групп делает картину более конкретной и точной.

Приведем список культурно-письменных центров, с которыми связаны привлеченные нами для исследования тексты: с е в е р н о р у с с к а я з о н а: Архангельск, Бежецк, Белозерск, Валдай, Великие Луки, Великий Новгород, Великий Устюг, Весьегонск, Вологда, Галич, Каргополь, Кириллов, Кола, Кострома, Олонец, Онега, Псков, Свирь (Свирский монастырь), Соловки, Сольвычегодск, Старая Русса, Тарногский городок, Тихвин, Торопец, Тотьма, Усть-Вышь, Устюжна, Хлынов, Холмогоры, Чаронда, Ям, Яренск, Ярославль; с р е д н е р у с с к а я т е р р и т о р и я: Алатырь, Арамаз, Владимир, Волоколамск, Городец, Дмитров, Звенигород, Казань, Калязин, Кашин, Клин, Коломна, Можайск, Москва, Муром, Нижний Новгород, Переяславль, Ржев, Ростов, Саранск, Симбирск, Суздаль, Тверь, Торжок, Шуя, Юрьев, Юрьево; ю ж н о р у с с к а я з о н а: Астрахань, Белгород, Белев, Валуйки, Воронеж, Вязьма, Дедилев, Дорогобуж, Елец, Зарайск, Кашира, Короча, Кромы, Курск, Лихвин, Мценск, Обоянь, Орел, Путивль, Рязань, Севск, Серпухов, Смо-

Названия местилец для денег и мелких ценностей

Географические пункты	бумаж- ник	бумаж- ница	зель	калита	карман	козушка	козяца	мошна	мошня	халмыя	через
Псков			1	1				2	1		1
В. Новгород, Валдай	2		4						1		2
Тихвин						1	3	10	6		5
Олонец, Свирь					2			5	8		9
Белозерск	1							10	6		5
Вологда, Тотьма	1							10	5		5
В. Устюг, Яренск	3	5	1					10	5	10	1
Вага								10	2	10	10
Двинской у.			5	2			8	10	4	2	10
Москва			10	4		1		10	1		4
Коломна, Деделов			7		2						1
Елец			2								4
Дорогобуж, Вязьма								2			
Смоленск			3					10	1		6
Курск, Обоянь								3			4
Рязань			1		1		1	1			1
Воронеж	1								1		
Н. Новгород, Казань								10			
Астрахань			1		2		2	10			
Сибирь								10	6		10

с

Примечание: Учитывается не более десяти употреблений слова в источниках, связанных одним или несколькими рядом лежащими пунктами.

Таблица 2

Названия плетеных местилец

	В. Новгород	Тихвин	Белозерск	Вологда	Двинской у.	В. Устюг	Ярсславль	Москва	Владимир	Рязань	Воронеж	Дорогобуж	Смоленск	Сибирь
<i>берестень</i>	.		.	+	.	.		×				×	+	
<i>бурак</i> «короб»	×	+	+	×	×	×		+						
<i>бурак</i> «сосуд»				×		×	×			.				
<i>зобня</i> «корзина»				+			.							
<i>зобня</i> «конск. торба»					.									.
<i>корзина</i>	+	×	+											.
<i>кузов</i>	.		+	+		×				+	+			
<i>крошня</i> (и)	+	+	+	+		×		×						
<i>кошель</i> (для утвари)	×	×	+	+	.	+		×		+				
<i>кошель</i> (для одежды)				.					.					
<i>кошель</i> (для сена)	.	.		+										
<i>кошель</i> (для воды)	.	.		+				×	+					
<i>коробья</i> «ларец»								.	+					
<i>коробья</i> «мера»	+					
<i>лукино</i>			+		+									
<i>луб, лубянка</i> и др.	+	+	+		×	×							.	
<i>пестерь</i>				×	×	×								
<i>пещерь</i>					+			+		+				
<i>бехтерь</i>									.					
<i>пошев</i>			.					+						
<i>туес</i>	.		+		×	×		×						×

Примечание к табл. 2 и 3 ×—более десяти употреблений, +—менее десяти употреблений
.—разовое употребление.

пенск, Старый Оскол, Тамбов, Тула, Черневск, Яблонев; С и б и р ь
и Д а л ь н и й В о с т о к: Верхотурье, Енисейск, Кунгур, Мангазея, Нер-
чинск, Тобольск, Томск, Тюмень, Шадринск, Якутск. В некоторых слу-
чаях учитывались данные других исследователей.

Распределение старорусских локализмов по диалектным зонам
(названия бондарной посуды и черпаков)

	север		среднерус.	юг		Сибирь
	зап.	вост.		зап.	вост.	
<i>уполовник</i>	+	×	+			
<i>а(у)поло(у)ник</i>			+	+	.	
<i>поварница</i>	+	×				+
<i>поваренка</i>	+	+				
<i>чюмич</i>	×	+	×	+		
<i>галин (а)</i>	+	+				
<i>дуплянка</i>	+	.				
<i>извара</i>	×	×	×		.	
<i>кадца</i>	×	×	.		×	+
<i>кадулька</i>		+				
<i>комьяга</i>			.		.	
<i>лежанка</i>	.		.			
<i>лазбень</i>				+		
<i>лагуи</i>	+	×	+	+	.	+
<i>лаговка</i>	+	.				
<i>лагушка</i>	+	×	.			
<i>мерник</i>	.	×	×			+
<i>напол</i>			+	×	×	
<i>насадка</i>	×	+	×	.		
<i>носок</i>		.				
<i>осташевка</i>	+		.			
<i>селедовка</i>	+		.			
<i>ушат</i>	×	×	×		+	

Важной, но трудоемкой задачей является фиксация типичных для данной территории слов. Частота употребления лексемы является географически варьирующимся показателем, поэтому важно учитывать анализируемое слово в письменности данного пункта хотя бы до условного минимума, но в текстах, написанных разными авторами. В нашем случае фиксировалось не менее десяти употреблений слова не менее чем в трех разных источниках.

Целесообразно последовательное оформление материала вначале в таблицы, а затем на картах. Таблицы могут иметь два вида: полные, включающие все слова тематической микрогруппы (см. в качестве образца табл. 1), и дифференциальные, отражающие только региональную лексику (см. табл. 2—3). Обобщенные данные таблиц наносятся на карту, где вычленяются диалектные зоны или группы говоров.

Конечной целью лингвогеографического анализа на материале письменных источников, как и по данным полевых наблюдений, является установление диалектного членения языка, но есть и принципиальные частности, например, выявление общерусских лексем. Важно обратить внимание на отграничение диалектного от общерусского разговорного, так как и в донациональный период в языке функционировали разговорные лексемы общерусского распространения наряду с междиалектными словами, употребляемыми в нескольких или даже многих пунктах и связанными с несколькими диалектными континуумами. Разграничить эти явления при отсутствии в донациональную эпоху четкой противопоставленности «литературное — диалектное», «общеупотребительное — диалектное» можно только путем накопления фактов, расширения источниковой базы, развития региональной исторической лексикографии.

Местные речевые явления в эту эпоху не были противопоставлены литературному языку в отличие от современных диалектизм, поэтому для обозначения локальных фактов требуется особый термин — «локализм» или «регионализм». Старорусскому локализму свойственны ограниченный ареал употребления, устанавливаемый по памятникам письменности, приуроченным к определенной территории; отсутствие данного слова в текстах общерусского распространения; возможное сохранение словом локального характера и в последующие периоды. Основным в ряду перечисленных признаков является первый. В отличие от современных диалектизм ста-

русский локализм был противопоставлен не нормированному литературному средству, а элементу общерусского употребления.

Как показывает анализ многочисленных памятников письменности, средством повседневного общения русских в XVI—XVII вв. был русский разговорно-бытовой язык диалектного характера, в котором имелось большое число общерусских средств. Вся территория России была в равной мере диалектной, в меньшей степени это относится к Москве и нескольким крупным торгово-ремесленным центрам (Великий Новгород, Вологда, Астрахань и др.), в койне которых заметно проступали общерусские черты, не подавляя, впрочем, местного начала. Несколько иную картину наблюдаем в Сибири и южнорусских областях, население которых в то время сильно обновилось: здесь процессы нивелировки диалектных особенностей и отбора общерусских средств в результате непосредственного общения уроженцев разных областей могли идти довольно быстро, хотя и с меньшей интенсивностью, чем в Москве. Существовали в этот период и наддиалектные формы устной и письменной речи (художественной, культовой, деловой и пр.), в разной степени связанные с диалектным разнообразием устной бытовой речи.

Исследование показывает сложную конфигурацию ареалов отдельных диалектных средств, но отчетливо проступают очертания нескольких, наиболее противопоставленных по лексическим данным диалектных зон, в основных границах совпадающих с более поздним диалектным и этнографическим членением. Так, противопоставляются по отношению друг к другу пять диалектных массивов, границы которых пока восстановлены с известной долей условности из-за неравномерного распределения сохранившихся и исследованных письменных источников по территории России. Во-первых, север противостоит югу, они разграничены широкой и неровной полосой среднерусских говоров, проходящей по пунктам Торжок — Тверь — Москва — Владимир — Нижний Новгород. Во-вторых, внутри северной и южной территорий в свою очередь противопоставлены запад и восток, но с меньшей степенью отчетливости. Граница между западной и восточной зонами проходит в северной части по линии Холмогоры — Каргополь — Белозерск — Бежецк; при этом отметим, что говор Пскова и Великого Новгорода по лексическим показателям местной деловой письменности решительно тяготеет к севернорусскому наречию. В южнорусской области граница между западной и восточной зонами идет по линии Тула — Елец — Старый Оскол. В общем виде эти зоны близки к этнографическим зонам, выявленным по данным XIX — нач. XX вв.: севернорусская, южнорусская, среднерусская, а также западная, северо-восточная и юго-восточная [5; 6, с. 256].

Анализ распределения слов по зонам и отдельным говорам осуществлялся на основе предварительно выполненного семасиологического описания лексики одежды и утвари, результаты которого частично опубликованы [7—11].

Назовем локализмы, послужившие основой для выделения указанных диалектных массивов.

Характерные севернорусские лексемы (для всей территории) — названия рукавиц: *вачеги, верхи, верхонки, дельницы, дубленицы, надолонки*; названия одежды: *платьяное, верхник, шубник, одевальница* «тип шубы», *сукник, свитка* «тип рабочей одежды», *шушун* «верхняя женская одежда из ткани, иногда подбитая мехом», *кумачник* «сарафан из кумача»; названия обуви: *малы* «детская обувь», *уледни — уледы, унты, головы* «сапоги с пришитыми головками»; названия посуды и утвари: *дуплянка* «тип бочки», *зобня* «корзина», *подойник, латка, кошель* «короб для сена», *решетки* «приспособление для жарения и печения пищи», *ставок* «сосуд для хранения напитков и жидкой пищи», *ларь, поварница — поваренка, утка* «солонка в форме птицы», *чаша* «посуда для валяния хлебов», *маслянка, призголовок, пестерь, рогоза* «рогожный куль».

На западе северной части России, представляющей собой зону древней новгородской колонизации и связанной с Псковом, Великим Новгородом, Валдаем, Тихвином, Свирью, Онегой, Архангельском, Холмо-

горами, Белозерском, употреблялись слова: *шубницы*, *деяницы*, *деяльницы*, *шущпан* «женская легкая рабочая одежда, тип сарафана», *понева* «тип наплечной одежды», *яры* «сапоги из оленьей шкуры, сшитые вместе со штанами»; *коробья* «мерный сосуд», *бурак* «короб для хранения бытовых предметов», *шалгун* «сумки из ткани для бытовой рухляди, соединенные попарно для переноски на плече».

На северо-востоке (Сольвычегодск, Хлынов, Великий Устюг, Тотма, Вологда, Кострома, Ярославль) представлены следующие регионализмы: *верхница* «рубаша», *солдатка* «тип шубы», *лопоть* «одежда вообще», *свитка* «тип женской одежды», *ремень*, *полукушачье*, *кромка* «пояс», *пориши*, *обуток*, *обуя*, *стречны* «вид обуви особого покроя», *пимы*, *полуголенки* «чулки»; *кадулька*, *дупелька* «тип бочки», *сельница* — *сеяница* — *сеяльница* «корыто, лоток, в который сыпалось просеиваемое вещество», *галин* «небольшой деревянный или металлический сосуд, тип бочонка», *носок* «небольшой деревянный сосуд с двумя днищами, тип баклажки».

Можно говорить и об отдельных севернорусских говорах, если учесть значительное число связанных с тем или иным письменным центром лексем: белозерских (*водяницы*, *плетеницы*, *передовик* «передник», *хамгла* «рыбацкий передник»; *шадра* «разновидность деревянной посуды», *пантоуха* «столовая чаша», *ушатник* «ушат», *лжично* «футляр для ложки»), тихвинских (*журпы* «башмаки особого рода»; *вороновка* — *вороненка* «тип бочки», *зеленка* «глиняная чашка зеленоватого цвета», *кортель* «тип оловянной столовой посуды», *лежка* — *лежатка* «разновидность бочек», *мещелка* «род сумки, мошна», *панна* «сковорода», *уполовня*, *яндовочник* «вместилище для хранения яндов»), великоустюжских (*кошуха* «рубашка», *прикопытки* «короткие чулки», *исподницы* «нижние рукавицы», *камошницы* «рукавицы из оленьих камасов», *шабур* «летний рабочий балахон из холста»; *бумажница* «вместилище для бумаг и ценностей», *бехтерь* «пестерь», *коробец* — *коробчик* «небольшой короб», *лагвица* «баклажка для хранения крепких напитков, объемом от 1 до 4 ведер», *подойница* «сосуд для молока при доении коров», *пуз* «мера и тара сыпучих веществ», *седун* «котел для винокурения», *цепня* «колодезная бадья»), северодвинских (*бусарка* «меховая одежда, покрытая тканью бусого, т. е. темно-голубо-серого цвета», *холщевница* — *холщевня* — *холщага* «одежда из холста», *костыч* «тип сарафана», *исподка* «нижняя женская рубашка», *верхница* «верхняя рубашка», *крестоватик* «тип меховой одежды», *завеска* «передник», *долгари* «тип обуви», *пимы*, *исцель* «сапоги, сшитые из целого куска кожи», *покосник* «девичье головное украшение», *варенги* «рукавицы», *ровдужницы* «рукавицы из ровдуги, т. е. оленьей шкуры»; *доуленка* «подойник», *криница* «кринка», *коренник* «тип посуды из корня дерева», *липка* «кабочка из липового дерева», *порочка* «черпак», *сусленик* «сосуд для сусла», *ушатец*, *хлебенка* «вместилище для хранения печеного хлеба»), вологодских (*бусырь* «рабочая одежда бусого цвета», *дубленки* «рукавицы из дубленной кожи», *берестяники* «лапти из бересты», *скрешни* «тип сапог», ошетни «тип сапог», *завтуха* «тип рогожи», *огуречник* «столовая посуда для овощей», *перешничек*, *плошка* «кухонная посуда для жарения»). Меньшее число локальных фактов выявлено по новгородскому говору (*охоратки*, *кожницы*), по говорам Зауралья (*головодец*, *шамшура*).

Обратим внимание на заметные различия в отношении лексики между вологодскими говорами (от Вологды до Тотмы включительно) и великоустюжскими (по Сольвычегодск включительно). Прослеживается связь многих соседних говоров, например, устюжских и северодвинских (*рукомойка*, *лаговка*, *хамьян* «тип мошны»), тихвинских и белозерских.

Среднерусские говоры, за исключением московских, не обнаруживают лексической специфики, подтверждая тем самым свое промежуточное, переходное положение между севернорусским и южнорусским наречиями. Следует отметить размытость границ среднерусских говоров: тяготение к севернорусскому наречию волоколамских и тверских говоров, заметную связь рязанских говоров с подмосковными (*судница* «вместилище для посуды», *воспище* «подстилка или мешок из дерюги», названия рогож *лапотница* и *циновка*) и т. д. В крайней западной части среднерусской территории

вовсе не заметно какой-либо прослойки между севернорусскими и южнорусскими говорами.

Приведем список лексем, отмеченных в московских актах XVI—XVII вв.: *абаб* «одежда из грубого сукна абы, тип зипуна», *занавеска* «передник», *опашиница*, *распашиница*, *передник*, *рукавка* «муфта», *чехол* «сорочка»; *амагиль* «походная фляжка», *ванна*, *варовик* «кувшин для горячей жидкости», *горчишник*, *клеяленка*, *кореноватка* «посуда из корня дерева», *липовка* «кадочка из липы», *монастырек* «футляр», *наливок* «род ковша», *овощник* «посуда для овощей», *передача* «большая чаша для охлаждения вина льдом», *подблюдник*, *пятерик* «тип котла», *площадка* «широкий и приплюснутый сосуд из дерева», *серебренник* «сосуд из серебра», *связни* «столовые судки на общем поддоне», *тарельник*, *тройчаток* «котел определенного объема», *хреноватик*, *четверник*, *цедилка*, *шаф* — *шкан*, *ягодник*, *яшник*. Большое количество старомосковских локализмов объясняется несколькими причинами: во-первых, значительным числом выявленных и обследованных текстов, связанных с Москвой и Подмосковьем; во-вторых, содержание московских текстов часто бывает связано с бытом феодальной знати, для которого характерно разнообразие предметов утвари и одежды; в-третьих, в XVI—XVII вв. московская письменность по числу локализмов еще не отличалась от письменности остальных областных письменных центров. Словарь московской письменности вообще поражает своим объемом, в деловой и художественной речи Москвы происходил иногда осознанный, но чаще стихийный отбор лексических средств из огромного числа общерусских лексем и местных элементов, разными путями попадающих в говор Москвы. Диалектные, типично северные или специфические южные слова могли встречаться в московских источниках, например, северные *подойник*, *латка*, *решетка*, южнорусское *понева* «женская набедренная одежда», юго-западные *фартук*, *катанка*, *дылея*, северо-западные *мурманка*, *повязка*, северо-восточные *полуголенки*, *чарки* и т. д. Прослеживается нормализующая роль московской письменности: если слово устойчиво входило в московский говор и язык письменности московских приказов, оно обнаруживало стремление к общерусскому распространению. Дальнейшая судьба слов сводилась к расширению региона их бытования и одновременно в силу этого — к увеличению числа местных фонетико-словообразовательных вариантов, унификация которых происходит в последующие периоды.

Многообразны лексические связи севернорусских и среднерусских говоров, прежде всего они выражаются в наличии общих междиалектных лексем: *белильница*, *каптур* «женский головной убор», *лагушка* «род кадки», *мятель* «тип плаща», *мерник*, *приголовок* «дорожный сундучок с наклонной крышкой», *перечница*, *рукомой*, *расольник* «столовая посуда для солений», *тарелка*, *уксуник*, *фляга*, *таз*, *цепник* «кадка, в которой настаивались пацитки». Учитывая тяготение к среднерусским говорам рязанских диалектов, включим в список общих северно- и среднерусских лексем названия *квашня*, *кринка*, *кошель* «короб», *рогожа*, *уполовник*, *ушат*. Принимая во внимание близость говора Дорогобужа и Вязьмы к среднерусским диалектам и севернорусскому наречию, дополним указанный список словами *крошни*, *лагун*, *пещерь*, *чюмич*. Север и западную часть средней России связывают названия *пужиши* «штаны особого покроя», *канги* «зимняя обувь из оленьих шкур», *упаки* «грубая обувь из сыромятной кожи»; учитывая происхождение этих слов, можно предполагать их распространение по русской территории с севера на юг. Общей для севера и восточной части средней России является лексема *пришитки*, обозначающая тип сапог. Западную часть севернорусских и среднерусских говоров объединяют слова с корнем *верет-*, а также лексемы *брусок* «тип питейной посуды», *калитка* «тип фляжки», *корзина*, *лежанка* «тип бочки», *кошель* «лубяное ведро для воды». Общими для севернорусских говоров и диалектов центра средней России были слова *вретнице*, *грохот* «крупноячейстое решето», *коробейка*, *кумган*, *канна* «кружка», *калита*, *козушка* «денежный мешочек», *череп* «глиняный сосуд для жидких продуктов»; наличие общих лексем объясняется влиянием московских и владимиро-суздальских гово-

ров на севернорусское наречие. В севернорусской диалектной зоне обозначается группа говоров, наиболее тесно связанная с говорами Москвы и Владимира: белозерские (*зоторник* «чан для винокурения», *кореноватик* «вместилище из древесных корней для хранения домашней утвари», *пошев*, *рогозина*), вологодские (*зобня* «корзина», *дойник*, *колода* «долбленое корыто для спуска жидкости при винокурении», *лимонник*). В этом находят отражение древние связи Московского и Ростово-Суздальского княжеств с Белозерьем и Вологодчиной, московская и ростово-суздальская колонизация севера, происходившая в XIII—XV вв., а также и волна обратной миграции в XVI—XVII вв.

В южнорусской диалектной зоне обнаружено меньше региональной лексики. Вот типичные южнорусские слова: *вязенки* «вязаные рукавицы», *понева* «женская пабедренная одежда», *запояска*, *подпояска*, *гольром* «женский пояс»; *комяга* «корыто для воды», *напол* «тип кадки», *уполоник* «разливательная ложка». На юго-востоке также отмечены *синевка* «тип поневы», *чоп* «чан, используемый при винокурении», *мастюшка* «небольшой кухонный горшок». На юго-западе в свою очередь наблюдаются лексемы *панчохи* «разновидность чулок», *сельник* «лоток, в который ссыпается просеиваемое вещество», *гарнец* «тип посуды», *лазбень* «род кадки, жбана».

Здесь выделяются рязанские говоры (*синявка* «тип поневы», *снур* «головной убор»; *поставня* «хлебная чаша», *севальник* «лукошко для ручного сева зерна»), воронежские (*варги* «вязаные рукавицы», *вершки* «верхние рукавицы», *бострог* «тип женской одежды», *безрукавка*, *деланка* «тип поневы», *запаска* «передник», *деготница* «сосуд для дегтя», *плахта*, *копица* «башлык», *каюк* «корыто для выращивания солода», *кляга* «бочонок», *кадиль* «кадка», *дежа* «квашня», *кошелка*, *прикадок*, *садовница* «лукошко», *судня* «вместилище для посуды»), смоленские (*снованка* «тип поневы», *хутка* «головной платок», *перчатки*).

Со среднерусскими говорами южнорусское наречие связано набором общих лексем: *ендова*, *плошка* «питейный сосуд»; см. также среднерусское и юго-западное *скрыня* «сундук, ларец».

Значительным единством отличались говоры, расположенные в западной части русской территории (от Тихвина до Смоленска), что дает иногда основание не включать смоленские говоры в южнорусское наречие, но все же если Вязьма и Дорогобуж по лексическим данным ближе к северо-западу, то Смоленск — к юго-западу. Приведем общие для всей западнорусской территории лексические единицы: *магирка* «войлочный колпак», *приволюка*, *саян*, *шлык*; *игольница* — *игольник*, *кварта* «сосуд для жидкости с ручкой и крышкой; мера объема», *насадка* «деревянный бочонок для напитков емкостью до 7 ведер», названия бочек *осташевка* и *селедовка*, *питушка* «сосуд для напитков». Известная общность наблюдается в лексическом составе севернорусских и западнорусских письменных источников (*лубянка*, *лубень*, *кандея*, *кукшин*). В западнорусских говорах и в южнорусском наречии отмечены названия одежды *катанка*, *дылея*, *фартук*. Важно отметить, что западный регион по этнографическим данным XIX—XX вв. также является переходной зоной [6].

Лексические связи говоров северной территории и среднерусских диалектов в XVI—XVII вв., как показывает анализ, были значительнее, чем средней России и юга. Сравнивая локальную лексику разных территорий с точки зрения ее употребительности, междиалектного распространения, можно заметить, что диалектизмы севера устойчивее, значительно и их число, это в некоторой степени объясняется и наличием богатой деловой письменности на севере, хорошо отражающей местные явления. Можно предполагать более существенный вклад севернорусского наречия в общерусскую лексическую сокровищницу: многие слова, впервые отмеченные в письменных источниках Русского Севера, закрепляются в общерусском употреблении (см. примеры ниже), в отношении южнорусских лексем, если иметь в виду тематические группы «одежды», «утварь», такие факты неизвестны. Первенствующая роль в оформлении и закреплении общерусской лексической нормы бесспорно принадлежала говорам средней Рос-

сии, особенно московскому. В лексике юга преобладает общерусское, местных черт здесь количественно меньше, что лишь отчасти объясняется меньшим числом сохранившихся письменных источников. В отношении юга надо учесть и такой фактор: хотя русское население здесь проживало постоянно, но наиболее интенсивно юг заселялся в XVI—XVII вв., причем заселение шло с севера на юг [12], поэтому среднерусское и общерусское влияние на южнорусскую речь в ту пору было особенно значительным. Со второй половины XVII в., в частности, в связи с воссоединением Украины с Россией, возрастает украинское влияние на юге, одновременно в связи со стабилизацией состава населения крепнут южнорусские диалектные черты. Возможно, некоторые южнорусские особенности развились, окрепли и распространились на более широкую территорию, например, в верхнеднепровские говоры (Дорогобуж, Вязьма), лишь в национальный период.

Что касается русского языка в Сибири, то он зависел от своей северновеликорусской основы, в частности, был особенно близок к говорам северо-восточной зоны, что подтверждается большим числом общих лексем: *лопоть*, *шушун*, *свитка*, *шабур*, *верхница*, *полукушачье*, *обуя*, *тимы*, *уледи*, *латка*, *поварница*, *призоловок*, *розога*, *утка*, *меденик*, *зобня* «корзина», *косяк* «род сосуда». Наблюдаются здесь и специфические, местные названия, заимствованные из тюркских, финно-угорских и тунгусо-маньчжурских языков аборигенов Сибири и Дальнего Востока, например, названия меховой одежды и обуви: *доха*, *малица* (пока отмечено лишь *маличишка*), *парка*, *торбосы*, *тулуп*, *санаяк*, *яка* и др.

Говоры Поволжья тяготели к среднерусским и юго-восточным диалектам (*казан* «котел для винокурения», *плошка* «питейный сосуд»). Выделяется своим смешанным составом астраханский говор, где есть местные названия (*баба* «сосуд для питья», *стоятня* «тип бочки», *тартовка* «тип рогожи», *чапурка* «керамическая чаша для напитков»), но встречаются и разнообразные по территориальной принадлежности элементы, в том числе специфические северорусизмы.

Несомненно, что в сочетании с явлениями фонетического и грамматического уровней лексические факты должны быть включены в совокупность признаков, различающих соответствующие диалекты. Заметим также, что особый интерес и вместе с тем особую трудность для выявления представляют междиалектные лексемы широкого, но не общерусского употребления, ср. *ушат* — севернорус., среднерус., юг.-вост., *берестень* и *насадка* — севернорус., среднерус., юг.-запад. и т. д. При отсутствии общепризнанной литературной нормы их можно обнаружить лишь при условии массового¹ привлечения разнолокальных источников.

Четкого попарного или погруппового территориального распределения лексем фактически не наблюдается, что свидетельствует о динамичном характере локальных лексико-семантических процессов, широких взаимосвязях соседних говоров. Примеры лексических соответствий обнаруживаются лишь внутри лексических микрогрупп. Например, если в севернорусских актах диалектными являются названия сарафанов и рубах, то в южнорусских источниках им противостоят наименования разновидностей понев. Что же касается самих слов *сарафан* и *понева*, то, как и в современных говорах, не было их географического противопоставления, поскольку *сарафан* был общерусским словом. Диалектное разнообразие в сфере названий женской одежды — результат большего разнообразия и более быстрой изменчивости самой женской одежды. Комплекс мужской одежды носил общерусский характер, поэтому большинство соответствующих слов представлено на всей русской территории. Указанные особенности словника женской одежды подтверждаются и на более широком материале, поскольку в староукраинском и старобелорусском языках по сравнению с русским языком XVI—XVII вв. также наблюдается сходство словаря мужской одежды и значительные расхождения в номенклатуре женской одежды.

Рассмотрим примеры территориальных соответствий из лексики посуды и утвари, ср. севернорусское *поваренка* — севернорусское и сибирское

поварница — севернорусское, среднерусское и юго-восточное *уполовник* — юго-западное *аполо(у)ник* — севернорусское, среднерусское и юго-западное *чюмич*. Функционально одинаковые сосуды для винокурения получили повсеместно название *квасник*, но имелись и местные наименования: севернорус., моск. *заторник* — псков., волог., костр. *спусник* — белозер., твер., волог., костр. *цепник* — южнорус. *чоп*. Одинаковые сосуды для приготовления теста на значительной территории от Поморья до Рязани получили название *квашня*, лишь в воронежские акты обнаружено наименование *дежа*. Сосуд для хранения молока на севере, в средней России и в северной части южнорусской территории назывался *кринкой*, а в районе Звенигород — Муром — Рязань было известно слово *молостов* с тем же или очень близким значением.

Комплексы функционирующих на той или иной территории тематических и лексико-семантических групп отличаются количеством лексем, что является следствием действия экстралингвистических причин: климатических условий местности, наличия того или иного материала, особенностей технологии обработки материала и т. д. (см. обилие названий разновидностей рукавиц в севернорусских источниках, названий меховой одежды в сибирских и т. п.) [13, 14].

Наблюдения за временем появления того или иного слова на разных территориях позволяют судить о центре инновации, что важно как для установления списка старорусских локализмов, выяснения вклада отдельных говоров в общерусский лексический фонд, так и для определения источника происхождения заимствованных слов. Например, *курта* — *куртка* были первоначально западнорусскими словами, а со второй половины XVII в. приобрели общерусский характер. *Чан* вначале известно в памятниках Северной Руси, с начала XVII в. — в Москве, а со второй половины столетия слово употребляется повсеместно; первые примеры употребления слова *лагуи* наблюдаются в севернорусских актах, к концу XVII в. оно обнаруживается в письменности среднерусской полосы; *шайка* вначале известно в памятниках Сибири и восточной части севернорусского наречия, к середине XVII в. занимает все пространство Русского государства; *кузов* и *бумажник* распространяются по русской территории с севера, *корзина* и *сундук* — с северо-запада, *туес* и *подголовок* — с северо-востока; *чемодан* вначале было известно в Северной России и Москве, с середины XVII в. становится общерусским; *шкатулка* в изучаемый период распространено в бассейне Северной Двины и в центре, а к югу доходит лишь до Рязани.

Центрами инноваций заимствованного происхождения являлись приграничные районы и области, где наиболее интенсивными были торговые и бытовые контакты с иностранцами. Район первоначального употребления заимствованного слова в русской письменности, а также маршрут его последующего постепенного распространения по другим зонам может служить локализирующим признаком для установления языка-источника заимствования. Если при этом разные фонетические варианты слова связаны с разными регионами (ср. *кумган* — севернорус., известно в Москве и Рязани, *кунган* — среднерус., известно в Вологде, Белозерске, Рязани; *яндова* — севернорус., в конце XVI в. фиксируется в Москве, в XVII в. — на Валдае, в Клину, Коломне, Симбирске, Астрахани, *ендова* — редко на севере, широко известно в актах Москвы, Рязани, Смоленска и Воронежа), то это может быть вероятным свидетельством неоднократного заимствования слова из разных близкородственных языков, причем в разных частях русской территории.

В истории отдельных слов отмечаются не только факты расширения ареала их употребления, но и случаи ограничения территории бытования слова: *ночвы* носило общерусский характер, а после XVII в. стало междиалектным средством.

Локальный характер основных лексем может не сказываться на территориальной приуроченности производных, которые разошлись в семантическом отношении с производящим словом, ср. севернорусское *ларь* «большой ящик для хранения различных вещей» и общерусское *ларчик*

«ящичек для драгоценностей». Позднее, может быть, благодаря демиинутиву *ларчик* и слово *ларь* приобрело общерусский характер.

Диалектизмы различались временем появления в языке: были слова, уже архаичные для XVII в., например, некоторые названия мер и мерных сосудов, зафиксированы и недавние по происхождению исконные или иноязычные названия. Иногда локальное бытование слова может служить опознавательной приметой его архаичности. Обычно устарелость слова для старорусского периода устанавливается по частоте и сфере его употребления. При достаточном числе обследованных источников можно использовать и прием, обычно известный лишь в практике изучения современного языка: фиксация архаичного по диалектным показаниям. Лексемы, архаичность которых подтверждается их употреблением в церковно-книжной письменности, в историко-повествовательных сочинениях и острым ареалом их распространения в местной деловой письменности, например, *лагвица*, *пуз*, *гарнец* и др., представляют особый интерес для выяснения истории лексики в предыдущие периоды развития языка.

Дальнейшее развитие исторической диалектографии на материале лексики позволит воссоздать картину территориальной дифференциации словарного состава русского языка, проследить, как складывается общерусский лексический фонд, определить вклад говоров отдельных областей в процесс формирования национального языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
2. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970.
3. Хабургаев Г. А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.
4. Виноградов В. В. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией.— В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978, с. 210.
5. Работнова И. П. Русская народная одежда. М., 1964, с. 4.
6. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в.— В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.
7. Судаков Г. В. К вопросу о роли севернорусских говоров XVII в. в складывании общерусского лексического фонда.— В кн.: Вопросы формирования русского национального языка. Вологда, 1979.
8. Судаков Г. В. Названия «питейной» посуды старой Руси.— Русская речь, 1983, № 1.
9. Судаков Г. В. «Всякое посудье».— Русская речь, 1983, № 5.
10. Судаков Г. В. В чем носили деньги древние русичи?— Русская речь, 1984, № 2.
11. Судаков Г. В. Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика): Учебное пособие по спецкурсу. М., 1983.
12. Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-е изд. М., 1937.
13. Судаков Г. В. Лексические диалектизмы в севернорусских актах XVI—XVII вв. (названия рукавиц).— В кн.: Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984.
14. Судаков Г. В. Названия меховой одежды в старорусском языке.— В кн.: Русское народное слово в историческом аспекте. Красноярск, 1984.